

В Мире Сансары он давно привык к холоду и равнодушию, но сейчас эти чувства мгновенно погребли под собой бесчисленные сложные и бушующие эмоции. Недавнее бездушие показалось лишь мимолетным наваждением, которое в одночасье рассыпалось в прах.

— Чжан... Цзиньсяо.

Он беззвучно повторил это имя, которое когда-то хранил в сердце, а затем глубоко запрятал. Их встреча с Чжан Цзиньсяо была из тех, о которых не расскажешь посторонним, — никакой романтики.

За два месяца, что они прожили вместе, большую часть времени они проводили в постели. Но, помимо тела, Сун Чжияня невероятно подкупал и характер Чжан Цзиньсяо.

Никакого жеманства, никакой необоснованной жестокости, никакой навязчивой тоски. Он просто тихо и заботливо ухаживал за ним, был немногословен, никогда не выходил из себя. Впрочем, у него и не было причин злиться на Сун Чжияня...

На самом деле, было очевидно, что тогда он не питал к нему искренних чувств. Скорее всего, ему было просто любопытно, хотелось поиграть. Когда бы ему это надоело, он бы просто выставил его за дверь — вопрос лишь времени. Но не прошло и трех месяцев, как Главный Бог подставил его: без всякой подготовки и защиты он превратился в «овоща».

Сун Чжиянь так плохо с ним обращался, а Чжан Цзиньсяо, будучи совсем юным, в одиночку вытянул его, полуживого, с того света.

Сколько денег и сил нужно, чтобы ухаживать за человеком, лишенным чувств? А ведь еще была мачеха, которая мечтала о его смерти... Донимала ли она Чжан Цзиньсяо?

Сун Чжиянь осознал, что даже вообразить себе всё это не в силах.

За дверью Чжан Цзиньсяо наконец совладал с эмоциями, открыл дверь и медленно вошел в палату.

Тело Сун Чжияня напряглось, он вытянулся на кровати. На душе было до крайности беспокойно. Сун Чжиянь, всегда привыкший нападать первым и удерживать инициативу, на сей раз решил выждать.

Раз уж этот старый демон решил притвориться, то как Чжан Цзиньсяо мог что-то заподозрить? К тому же он был слишком измотан и просто сел на край кровати.

Пусть палата была люксовой, но это всё же больница. Двум взрослым мужчинам на кровати было тесновато, особенно когда один из них занимал большую часть места. Но Чжан Цзиньсяо не возмущился. Напротив, он постепенно согнулся, полулег, повернувшись лицом к Сун Чжияню. Его дыхание смешивалось с привычным ароматом Сун Чжияня, а в глазах читалась глубокая усталость.

— Год за годом, месяц за месяцем... Когда же ты наконец проснешься?

Чжан Цзиньсяо прошептал это ему на ухо. В его голосе не было ни капли нетерпения или упрёка — так буднично, будто он просто сообщал, что сегодня на улице снова ясно. Но от этих слов веки Сун Чжияня дрогнули, а сердце на мгновение замерло.

Чжан Цзиньсяо закрыл глаза, прислонившись головой к его шее, и, не заметив перемены, продолжил вполголоса рассказывать о том, что произошло за эти дни:

— Наступила лучшая пора года. Недавно я ездил на гору Юйшань на съёмки и обнаружил, что сакура там цветет невероятно красиво. Наверное, ты уже и не помнишь, но в прошлый раз мы любовались ею вместе...

Он говорил о вещах, происходящих снаружи, перескакивая с одного на другое. Его речь была сумбурной, но такой же, как и он сам: простой, без резких взлетов и падений, без бурных эмоций. Лишь при упоминании цветущих склонов в его голосе проскользнули мечтательность и ностальгия.

Прошло около получаса. Чжан Цзиньсяо внезапно замолчал, грустно усмехнулся и приподнялся с кровати:

— Ладно, не буду тебя утомлять. Если ты слышишь, то наверняка уже злишься, что я такой болтливый.

— Я снимался в горах, долго не мог к тебе прийти... Давай я протру тебя и сделаю массаж. Кому-то другому я не доверяю, — он снова горько улыбнулся. — Не сердись, что я такой дотошный, мне правда... беспокойно.

Он встал, но из-за долгого отсутствия отдыха перед глазами поплыло. По привычке опираясь на стол, он переждал приступ головокружения, открыл глаза и закатал рукава.

Уходя в ванную, он не видел, как Сун Чжиянь внезапно открыл глаза. В них не было и следа замешательства от пробуждения — лишь жгучий взгляд, прикованный к спине Чжан Цзиньсяо.

Когда его десять лет назад Небесный Путь забросил в Пространство Сансары, Чжан Цзиньсяо было всего восемнадцать. Кто бы мог подумать, что спустя десятилетие он станет таким статным, но при этом еще более исхудавшим. Огромная ноша и одиночество сделали его еще

молчаливее.

Десять лет назад, даже будучи худощавым, он выглядел живым. В памяти Сун Чжияня его губы всегда были нежно-розовыми, не вызывающими, но сводящими с ума, а после поцелуев становились ярко-красными, с затуманенным влажным взглядом... Это было прекрасно.

Сейчас же он был слишком хрупок, словно лист бумаги, до предела натянутый на раму: выглядит опрятно, но может порваться от любого внешнего усилия. Он был куда сильнее, чем думал Сун Чжиянь, но эта сила постепенно высасывала из него жизнь. Разрыв натянутой струны был лишь вопросом времени.

Он запомнил этот десятилетний долг благодарности до последней капли и вернет его Чжан Цзиньсяо — тоже по крупицам.

Когда Чжан Цзиньсяо вышел из ванной с тазом воды, он неожиданно встретился взглядом с парой светло-карих, полных нежности глаз.

Медный таз с грохотом рухнул на пол, расплескав воду и намочив его брюки.

Но в голове у него отражались лишь эти глаза, сияющие, словно звездное море.

Картина, которую он представлял в мыслях бесчисленное количество раз, о которой молил всех богов, внезапно стала реальностью. Это казалось настолько абсурдным, что, помимо радости, его охватили трепет и чувство нереальности происходящего.

Он почти спотыкаясь подбежал к кровати, глаза его покраснели. Дрожащей рукой он коснулся его щеки, не решаясь проверить, не является ли это очередным сном наяву.

Сун Чжиянь выглядел слабым. Он ничего не сказал, лишь мягко и ободряюще смотрел на него улыбающимися глазами.

Достаточно. Даже если это сон, он готов довольствоваться и этим. А если нет — значит, это милость небес, его награда.

Пальцы наконец коснулись теплой кожи, и из глаз Чжан Цзиньсяо хлынули слезы. Десять лет боли, упорства, усталости и отчаяния в этот миг окупились сполна. Даже такой стойкий человек, как Чжан Цзиньсяо, не выдержал и разрыдался.

Сун Чжиянь терпеть не мог, когда другие плачут, особенно мужчины. Что за вид? Даже в Пространстве Главного Бога, где жизни людей не стоили и гроша, он придерживался того же

мнения.

Но сегодня, глядя на заплаканное лицо Чжан Цзиньсяо, чувствуя его неподдельную, чистейшую радость, он ощутил, как его сердце, закаленное в вечных битвах, внезапно превратилось в океан нежности.

Если бы мог, он бы сейчас же заключил его в объятия, но лишь слегка пошевелил пальцами. Указательный палец чуть дрожа стер слезы с его щек — холодная влага казалась пропитанной бесконечной горечью.

Долгий сон сделал его голос хриплым и сухим. Если бы не то, что перед ним был Чжан Цзиньсяо, он бы еще долго молчал, но сейчас, чтобы не выглядеть слишком слабым, он лишь устало улыбнулся и едва заметно пошевелил губами.

Чжан Цзиньсяо всё понял.

Он сказал: — Не плачь. Я вернулся.

Сун Чжиянь еще вчера с пеной у рта доказывал, что в этом первоначальном мире нет ничего, ради чего стоило бы остаться, но не прошло и половины дня, как он сам же себе и противоречил. Последние несколько месяцев он даже не пытался нарушить запреты Небесного Пути, послушно лежа в постели и принимая заботу Чжан Цзиньсяо.

Погода давно потеплела. Чжан Цзиньсяо был в простой светлой рубашке и голубых джинсах — наряд самый обычный, но он подчеркивал его узкую талию и длинные ноги.

Сейчас, закатав рукава, он с видимым усердием протирает пол.

Сун Чжиянь моргнул. Он подумал, что это, должно быть, самый дорогой и лучший «домовой» во всех мирах Сансары, которого не купишь ни за какие свитки воскрешения. Какая же удача, что десять лет назад он проявил прозорливость и успел прибрать его к рукам?

— Брось это, придет уборщица, отдохни немного, — Сун Чжиянь явно не хотел видеть, как Чжан Цзиньсяо суетится.

Чжан Цзиньсяо бросил на него быстрый взгляд, кивнул, убрал швабру и пошел мыть руки. Но даже такая мелочь тронула его до глубины души. Он помнил, как в первый раз попросил его не перетруждаться, и с каким удивленным и непонимающим взглядом посмотрел на него его сокровище.

Оглянувшись на то, каким негодяем он был десять лет назад, Сун Чжиянь безмолвно сглотнул и, чтобы сменить тему, сухо добавил, что хочет личи. Жаль, что его ослабленное после долгого сна тело не позволяло этого сделать.

Кто бы мог подумать, что эта брошенная невзначай фраза западет Чжан Цзиньсяо в душу. Как только врач разрешил ему есть, он тут же купил пакет сладких личи, длинными ловкими пальцами очистил плод и даже предусмотрительно вынул косточку.

Всего одна штука — и сладкий сок, казалось, пропитал сердце Сун Чжияня.

Прозрачная мякоть была соблазнительна, но его пальцы притягивали взгляд куда больше.

Чжан Цзиньсяо неверно истолковал его молчание и терпеливо пояснил:

— Тебе пока нельзя много.

Возможно, он сам не заметил, с какой осторожностью говорил. Сун Чжиянь посмотрел на него и внезапно улыбнулся, в его глазах читалась беспомощность:

— Неужели я в твоих глазах такой неразумный?

Чжан Цзиньсяо замер, не зная, как ответить. Может, и неразумный, а может, и нет, но проснувшийся Сун Чжиянь заставлял его быть предельно внимательным.

— Садись, не суетись, — Сун Чжиянь похлопал по краю кровати.

В комнате был стул, но пока Сун Чжиянь спал, им почти не пользовались, а теперь он окончательно превратился в подставку для вещей.

Чжан Цзиньсяо протер руки влажной салфеткой, достал кусачки для ногтей и протянул руку к Сун Чжияню. Смысл был ясен без слов.

Сун Чжиянь едва не рассмеялся:

— Я что, инвалид какой-то?

Но, несмотря на слова, этот великий и непобедимый правитель послушно, как дурачок, протянул руку.

Чжан Цзиньсяо поудобнее устроился и принялся подстригать его слегка отросшие ногти, приговаривая с интонацией, с какой обычно успокаивают детей:

— Ты еще не до конца восстановился. Когда закончишь курс реабилитации, делай что хочешь. Врач говорит, что ты идешь на поправку, времени нужно совсем немного.

Сун Чжиянь слегка коснулся лба:

— Почему ты говоришь со мной как с ребенком?

В глазах Чжан Цзиньсяо промелькнула улыбка. Он критически оглядел Сун Чжияня:

— Ты пролежал в коме десять лет, твой ментальный возраст ниже.

Сун Чжиянь не знал, плакать ему или смеяться. Он не понимал, почему Чжан Цзиньсяо, всегда такой рассудительный и спокойный, проявил такое странное упрямство именно в этом вопросе. Оставалось только мысленно проворчать, что из-за десятилетней комы его ментальный опыт, наоборот, расширился на целую вечность.

Но сказать об этом Чжан Цзиньсяо он, конечно, не мог.

Чжан Цзиньсяо старательно подстригал ногти, и они перебрасывались короткими фразами.

— Приготовь мне ноутбук, посмотрю информацию, чтобы окончательно не отстать от жизни.

Чжан Цзиньсяо, конечно, кивнул. На самом деле, все эти дни он рассказывал ему новости именно для этого.

— И принеси еще дисков с фильмами, а то одному скучно, пока тебя нет.

Услышав это, Чжан Цзиньсяо виновато посмотрел на него. Хотя он сразу после пробуждения Сун Чжияня, вопреки советам Му Аня, отменил кучу работы, но рекламные контракты и съемки в сериале разорвать было нельзя — иначе его бы съел не только Му Ань, но и огромные неустойки.

Поэтому, как бы он ни переживал, работу оставить было нельзя. Тем более съемки в сериале входили в активную фазу, и хотя роль была третьестепенной, времени на Сун Чжияня оставалось всё меньше.

Зная, как он нужен сейчас, Чжан Цзиньсяо был готов на всё:

— Что ты хочешь посмотреть? Я всё куплю.

Сун Чжиянь мягко улыбнулся и поправил прядь волос у него на лбу:

— Конечно, фильмы с моим Цзиньсяо!

Услышав ожидание в его голосе, Чжан Цзиньсяо неловко улыбнулся. Раз уж он не мог уделить ему достаточно внимания, как он мог отказать в такой просьбе?

— Их можно найти в интернете, я принесу еще классические фильмы, будешь смотреть, что захочешь.

Чжан Цзиньсяо понимал, что его собственные фильмы не так уж хороши, но Сун Чжиянь не станет спорить. По его характеру, он посмотрит пару минут и потеряет интерес, так что классика была необходима.

Сун Чжиянь всё понял по его лицу, но не стал ничего объяснять. Каких только фильмов он не видел? Из разных миров, киноверсии, живые выступления, а в некоторых задачах ему и самому приходилось играть. Его главной целью было лишь увидеть, как жил Чжан Цзиньсяо все эти годы. Хотя, впрочем, он и так догадывался.

Он с жалостью погладил темные круги под глазами Чжан Цзиньсяо:

— Еще меня упрекаешь, а сам ложишься в два-три часа ночи?

— Изучал сценарий. Больше не буду.

Чжан Цзиньсяо имел привычку признавать ошибки, но не исправлять их, однако раз уж он пообещал, то сдержит слово. Сун Чжиянь довольно кивнул.

У Чжан Цзиньсяо была работа. Он провел в больнице больше часа, уже подходило восемь, тянуть было нельзя.

— Прости, сегодня вечером закончу дела на площадке и снова приду.

— После восьми не приходи, мне тоже нужно отдыхать, — улыбнулся Сун Чжиянь, подмигнув ему. — В конце концов, теперь меня содержит Цзиньсяо, я рассчитываю на тебя.

Это звучало как просьба взять на содержание. Чжан Цзиньсяо чуть склонил голову, взял телефон со стола и кивнул:

— Я пошел.

Сун Чжиянь кивнул в ответ, про себя отметив: если бы не слегка покрасневшие уши, можно было бы поверить, что он совершенно спокоен.

Когда Чжан Цзиньсяо ушел, никто не видел, как Сун Чжиянь, только что улыбающийся, сбросил одеяло. Его длинные ноги, которые, по идее, еще не должны были полностью восстановиться, уверенно встали на пол.

Пальцы коснулись места, где только что сидел Чжан Цзиньсяо, ощущая еще не остывшее тепло. Он загадочно улыбнулся, закинул ногу на ногу и достал из-под подушки телефон.

Конечно, не тот, что дал ему Чжан Цзиньсяо, а высокотехнологичный гаджет из Мира Сансары, зашифрованный «световым яйцом», со связью, пробивающей любые параллельные миры.

Так все узнали, что пропавший надолго «Великий Сун» наконец обновил статус в соцсетях.

Сун Чжиянь:

Ухожу в отпуск на срок от 10 до 100 лет. Кто сунется — испепелю. Кстати, красивый? [Фото: Чжан Цзиньсяо опустил голову, очищая личи. В полном размере]

Хуа Ба, У Хун, Ло Фан и еще 281 человек поставили лайк.

Хуа Ба: Ты, вечный холостяк, наконец-то прозрел?! Мир Сансары рушится?

У Хун: ??? Это что за новичок из миров? Впервые вижу.

Ло Фан: Не знаю, кто это, но в этот миг мое почтение к нему безгранично, как воды великой реки!

Все жители миров Сансары: ☹️#☹️.....#☹️.....

Опубликовав пост, Сун Чжиянь с довольным прищуром принялся читать комментарии. Самые шумные из его окружения подкалывали его, мол, бог весны вселился в него, и вечный холостяк наконец нашел свою весну.

Великий Сун усмехнулся, запоминая имена всех шутников, чтобы потом насолить им, а вот комментарии младших, которых он даже не всегда помнил, были полны восхищения.

Хм, нежный и заботливый — конечно, разве может кто-то сравниться с Чжан Цзиньсяо? Красивый и притягательный — разумеется, вкус у него был отменный. Чжан Цзиньсяо не обладал агрессивной красотой, он был как дорогой сандал, постепенно наполняющий уютom твою жизнь, дарящий покой и комфорт.

К тому же он давно вышел из того возраста, когда ищут лишь ярких впечатлений. Даже если бы Чжан Цзиньсяо был самым обычным, одного его сердца было бы достаточно, чтобы Сун Чжиянь относился к нему со всей серьезностью.

<http://bllate.org/book/19085/1874242>